

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский филиал
Института востоковедения

ИСЛАМ

на территории
бывшей
Российской
империи

Энциклопедический
словарь

Выпуск 3

Москва

Издательская фирма «Восточная литература» РАН

2001

Х'аджа Ахрар, согласно этим источникам, возводил одну из цепей своей духовной преемственности к тюркским *шайхам* (с которыми был в кровном родстве), вообще считавшим *х'аджу* Ахрара своим воспитанником. Таким образом, вполне закономерно Ахрар (наряду с ал-Гидждувани и Накшбандом) становится третьей ключевой фигурой в «центральной» *силсила*, связанной с Йасавией. Однако согласно тюркским источникам, в частности Ламахат мин нафахат ал-кудс, Ахмад ал-Йасави возводил свою независимую от Х. *силсила* (помимо Йусуфа ал-Хамадани), с одной стороны, к старцу Арслан-бабу — прародителю тюркских *шайхов* и *халифу* 'Али, а с другой — к *шайху* Шихаб ал-дину ас-Сухраварди (1145–1234–35). Можно предположить, что по крайней мере до *х'аджи* Ахрара отношения между Х. и Йасавией не были столь безоблачными, как это предствозлод поздней традицией Х. Если следовать ей, то практика тюркских *шайхов* отличалась только «громким» *зикром*, тогда как в действительности они практиковали «громкие» радения (*сама*), сорокадневное уединение (*халват арба'ин, чилла*) и многое другое, против чего время от времени выступали *шайхи* Х.

Письменное наследие. В целом можно сказать, что *шайхи* Х. не ленились писать и, ориентируясь на своего основателя 'Абд ал-Халика, оставили довольно богатое письменное наследие, которое накапливалось по нарастающей. Скорее всего, это опять-таки обуславливалось ужесточением конкуренции в период после монгольского завоевания, ослабившего позиции ислама, попытками отстоять свое видение суфизма и право на законное существование как среди генеалогически родственных общин, так и среди явных конкурентов. Традиционно сочинения в жанре житийной литературы (*макамат, тазкира, манакиб*) создавались учениками и последователями уже после смерти своих наставников, богословские же изыскания на благо общины (как правило, в виде посланий, *рисала*) только приветствовались. Очевидно, что агиографические сочинения представителей «центральной» *силсила*, в первую очередь «Рашахат» Кашифи и отчасти «Нафахат ал-унс мин хазрат ал-кудс» 'Абд ар-Рахмана Джамии (1414–1492) (если не считать их прямым социальным заказом *х'аджи* Ахрара), были призваны упорядочить нисходящую *силсила* и сделать ее значимой, выделив общие принципы духовно-религиозной жизни, включить в нее *шайхов* Йасавииа как ветвь и дальних родственников Х. и одновременно отмежеваться от традиции наследственной преемственности, свойственной многим суфийским общинам Центральной Азии, и всего связанного с ней (например, громкого богопомятия).

Из сочинений *шайхов* Х.-накшбандийа помимо многочисленных трудов Кашифи и Джамии выделяются суфийские трактаты Са'д ад-дина Кашгари и *х'аджи* Ахрара, оригинальные работы *факихов* и *'алимов* Мухаммада Парсы и Йа'куба Чархи.

Лит-ра: ал-Бухари. Маслак; Йа'куб Чархи. Абдалиия / Рук. СПбГУ № 386, 312а–316б; он же. Унсийа / Рук. СПбГУ № 386, 232а–242а; Мухаммад б. Хусайн б. 'Абд Аллах Казвини. Силсила-нама-йн *х'аджаган-и накшбандийа* / Рук. СПбФ ИВ РАН, D290; Кашифи. Рашахат, 21–27, 40–45, 63–64, 79–92; ат-Табари. Та'рих, 1, 216–217, 222; Мухаммад ал-Алим ас-Сиддики ал-'Алави. Ламахат мин нафахат ал-кудс. Ст. Таш., 1327/1909, 21, 87; 'Али Рамитани. Рисала-йн Хазрат-и 'азизан // *Салих б. Мубарак ал-Бухари*. Макама-т-и хазрат-и х'аджа Накшбанд / Абу-л-Мухсин Мухаммад-Бакир б. Мухаммад 'Али. Бухара, 1910, 25–35; Шихаб ад-дин б. бинт амир Хамза. Макама-т-и амир Кулал. Бухара, 1328/1910; Р.Р.Рахимов. Концепция лидерства в культуре таджиков. Традиция и современность // Этнические аспекты власти: Сб. статей. СПб., 1995, 138–188; *Хисмат'уллин*. Практика, 18–34; он же. О сочинении «Эликсир счастья» Абу Хамида ал-'азали ат-Туси // СНВ, XXX (1998), 204–228; он же. Суфизм. СПб., 1999, 49–67; Ахмад Муджахиб. Маджму'а-йн асар-и фарси-йн Ахмад-и Газали. 2-е изд., Тегран, 1370/1991, 100; D.DeWeese. An "Uvaysi" Sufi in Timurid Mawarannahr: Notes on Hagiography and the Taxonomy of Sanctity in the Religious History of Central Asia // PIA, 22 (1993), 1–36; он же. The Masha'ikh-i Turk and the Khojagan: Rethinking the Links between the Yasavi and Naqshbandi Sufi Traditions // JIS, 7:2 (1996), 180–207; он же. Khojagani Origins and the Critique of Sufism: the Rhetoric of Communal Uniqueness in the Manaqib of Khoja 'Ali 'Azizan Ramitani // Islamic Mysticism Contested / F. de Jong & B. Radtke. Leiden, London, Köln, 1999, 492–519; Jürgen Paul. Maslak al-'arifin. Ein Dokument zur frühen Geschichte der Hwajagan-Naqshbandiya // HBO, 25/98, 172–185; он же. Doctrine, 5–69; A.Khismatulin. Kimiya-yi Sa'adat by Abu Hamid al-Ghazali al-Tusi: Some Textual Observations // MO, 5:3 (Sept. 1999), 1–26; О.М.Ястребова. «Макамат-и Амир Кулал» и памятники ранней истории братства накшбандийа-хвалджган // ПВ, 10 (в печ.); Суфизм в Центральной Азии (по материалам зарубежных исследований): Сб. статей. СПб. (в печ.).

А. Х.

Хикмат (араб.-перс.; тюрк. *хикматлар*, «премудрость», «мудрые изречения») — название четверостиший в сборнике стихов (*Диван-и хикмат*), приписываемом *х'адже* Ахмаду ал-Йасави (ум. в 1166–67 г.). Однако вычленение в известных редакциях сборника достоверно принадлежащих ему стихов представляется невозможным: на протяжении 500 лет после его смерти многие поколения последователей основанного им братства писали Х. от имени Ахмада ал-Йасави. Авторы новых Х., следуя суфийским этическим нормам, регламентирующим особое почтение к Первоучителю, приписывали ему свои стихи, стараясь вложить в его уста сентенции, мудрые советы и т.п. Некоторые именные *шайхи* этого братства (*Хакимата, шайх* Худай-дад и др.) писали Х. от своего имени, однако значительная часть этих четверостиший вошла в многочисленные редакции сборника и стала восприниматься как часть Х. Ахмада ал-Йасави.

Как и ранние религиозные традиции Йасавийа, Х. изначально передавались, видимо, устно. Письменная фиксация сборников (как и вообще упоминание о них в источниках) относится

к эпохе Тимуридов. Это отразилось на языке Х. — в значительной степени они утратили свою архаичную (восточнокараханидскую) основу. Не исключены также искажения Х. или прямые интерполяции в них, появившиеся в результате изменения религиозно-идеологической и политической обстановки в регионе со времени смерти Ахмада ал-Йасави. С распространением влияния йасавийа к простым по звучанию тюркским стихам добавляются четверостишия с более сложной арабо-персидской метрикой ('аруд); появились также персоязычные Х. В результате сложились различные варианты сборников (с неодинаковым количеством Х.), которые в процессе переписки в разных регионах получали своеобразное звучание в зависимости от местной языковой ситуации. Тем не менее поэтический стиль Х. сохранялся вплоть до начала XX в.

В сочинениях, написанных как йасавийскими, так и накшбандийскими авторами в Мавараннахре и соседних регионах, Х. нередко становились предметом специальных комментариев, к ним обращались как к емким и ярким иллюстрациям суфийской этики, сложных переживаний суфия на различных этапах духовного самосовершенствования, исключительной аскезы, в них искали и находили примеры для подражания.

Х. были и остаются основой всех видов йасавийского зикра (*арра*, *занги*, *зикр-и зар* и др.): стихи распевают (часто под музыкальный аккомпанемент) на фоне многократно повторяемых формул богопомятия, задающих определенный ритм.

Примерно так же женщины совершают обряд *хикмат-хонли* (тюрк.; перс.-тадж. — *хикмат-хвани*). До недавнего времени подобные ритуальные песнопения на тексты Х. они проводили на *мазарах* знаменитых суфийских (не обязательно йасавийских) *шайхов*: Занги-ата (Ташкент), самаркандский Мийанкаль (*шайха Худайдада*), Катта Лангар (р-н Кашкадарьи) и др. Опытные и начитанные *отин-ойи* сопровождали этот ритуал подробными комментариями, разъясняя «сокровенный» смысл Х.

За последнее время Х. многократно изданы (в Узбекистане, Казахстане, Туркмении), наблюдаются попытки возродить традицию *хикмат-хонли*.

Лит-ра: *Кашифи*. Рашахат, 17–23, 31–30; *Мухаммад ал-Аллам ас-Сиддик ал-Алави*. Ламахат мин нафахат ал-кулдс. Рук. ИВ АН РУз, № 495, 79^а, 84^а, 99–100^а, 115^а; *Ахмад Ясави*. Девони Хикмат. Нашрга таёрловчи Р.Абдушукуров. Таш., 1991; *Залеман*. Легенда, 105–107, 109, 147; *А.К.Боровков*. Очерки истории узбекского языка (определение языка хикматов Ахмада Ясеви), I // СВ. Вып. 5, 1948, 229–250; *M.F.Köprülü*. Ahmed Yesevi // *Islam Ansiclopedisi*. I Cilt. Istanbul, 1985, 159–161; *D.DeWeese*. Yasavian Legends on the Islamization of Turkistan // *Aspects of Altaic Civilization*. III. Bloomington, Ind., 1990 (Proceedings of the Thirteenth Meeting of the Permanent International Altaic Conference. Indiana University, 1987. Ed. D.Sinor), 2, 4–5.

Б. Б.

Хиндустан (он же *домла* Хиндустан, *Хаджжи-дада*, Маулави) — крупнейший теолог-ханафит Ферганской долины и Таджикистана Мухаммаджан Рустамов (1892–1989). Родился в селении Чарбаг (недалеко от Коканда) в семье довольно известного в регионе *факиха хаджжи* Рустама Коканди. Учился у кокандских *мударрисов* (Мухаммад Амин, *мулла* Ишан-кул) в *мадраса* Минг-Айим, примерно с 1913 г. — в Бухаре, в *мадраса* при *ханака* Ишан Сайахсин, затем у знаменитого балхского ученого Мухаммад Гаус Сайид-зада, после смерти которого (1921 г.) продолжил свое основательное многолетнее образование в одной из *мадраса* Кашмира (отсюда его *нисба*), там же он освоил урду и хинди. В 1928 г. Х. совершил *хаджж* и через год вернулся домой, где в периоды религиозных чисток (с 1933 по 1953 г.) его трижды арестовывали; в общей сложности он провел в ссылке в разных районах России восемь с половиной лет. В 1943 г. *домла* Х. был призван в армию, ранен под Минском (конец 1944 г.) и комиссован. С середины 50-х гг. и почти до конца своей жизни он служил *имамом* в мечети *маулана* Чархи (Душанбе), там же умер и похоронен.

Примерно в конце 50-х гг. Х. организовал нелегальное обучение (*худжра*) небольшой группы своих прихожан. Со временем количество обучающихся возросло, среди них были ныне известные в регионе и особенно в Фергане мусульманские деятели. Помимо преподавания Х. занимался литературным творчеством — писал трактаты, комментарии к религиозным сочинениям и мистической поэзии. Наиболее капитальный его труд — шеститомный комментарий к Корану (на узбекском языке), заверченный в 1984 г. и рассчитанный, по словам автора, на молодых студентов-богословов и простых мусульман, испытывающих трудности в понимании Священной книги. Сохранились другие богословские сочинения Х. (Ишарат ас-сабаба, Панд нама-йи хазрат-и Маулави), его переводы (на узбекский и таджикский языки) с комментариями известных трактатов (Касида ал-Бурда ли-л-Бусири, Маулуд ан-Наби ли-л-Барзанджи, Шарх-и Касида-йи Амали). Особый интерес представляют аудио- и видеозаписи его наставлений (*ва'э*), бесед с учениками, диспутов.

Последние 10–12 лет жизни Х. неоднократно вступал в публичные и письменные диспуты с группой 'улама' Ферганы и Таджикистана (в том числе со своими бывшими учениками), которые, по его мнению, стали отходить от догматов и религиозной практики ханафитов. Так, он считал нецелесообразным менять некоторые правила *намаза*: положение рук при *такбире* (*раф' ал-йадайн*) и в ритуальной позе *кйам*, произнесение *амин* про себя (*махфи*), а не вслух (*джахр*), как предлагали его оппоненты, и т.д. Х. резко выступал также против попыток признать «неисламскими» такие обычаи, как чтение определенных *айатов* Корана и молитв (*ду'а*) за упокой души и прощение умершего, за исцеление больного человека и даже животных (*рукйа*;